

МИНИСТЕРСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ «ВИТЕБСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР УО «ВГМУ»

ПЕРВИЧНАЯ ПРОФСОЮЗНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СТУДЕНТОВ
УО «ВГМУ» БЕЛОРУССКОГО ПРОФСОЮЗА РАБОТНИКОВ
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

**ЭТО ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ:
ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНОВ ВИТЕБСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

Материалы в помощь кураторам учебных групп,
студенческому активу, профоргам групп, воспитателям общежитий

Витебск, 2018

УДК 940.54
ББК 63.3 (4 Бей-4Вит) 622ю14

С о с т а в и т е л и:

Мясоедов А. М. – ст. преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, председатель профкома студентов УО «ВГМУ», магистр пед. наук.

Назарук А. А. – студентка 6 курса лечебного факультета УО «ВГМУ».

М99 Это забыть нельзя: воспоминания ветеранов Витебского государственного медицинского университета о Великой Отечественной войне / Мясоедов А.М., Назарук А. А. – Витебск: ВГМУ, 2018. – 28 с. :с ил.

Данные материалы знакомят с историей Великой Отечественной войны через воспоминания непосредственных участников и свидетелей событий, способствуют формированию у студенческой молодежи гражданственности, патриотизма. Могут быть использованы преподавателями, школьниками и студентами в учебно-воспитательном процессе по дисциплине «Великая Отечественная война советского народа», кураторами во время проведения часов информирования в учреждениях образования, а также всеми, кто интересуется исторической правдой о Второй мировой войне.

УДК 940.54
ББК 63.3 (4 Бей-4Вит) 622ю14

© УО «Витебский государственный
медицинский университет», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВЕТЕРАНОВ ВИТЕБСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ	
I. НЕПОКОЙЧИЦКИЙ ЕВГЕНИЙ ОСИПОВИЧ	6
II. ЯБЛОНСКИЙ МИХАИЛ ФЁДОРОВИЧ.....	18
III. БОГДАНОВИЧ ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ.....	21
IV. НИКОЛЬСКИЙ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ.....	23
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	26
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	28

ВВЕДЕНИЕ

*Кто-то родом из детства,
а я – из войны...*

Великая Отечественная война – судьбоносное историческое событие в жизни не только Советского Союза, но и всего мира. Память о ней – это память о нашей истории, предках, их подвигах, героизме на фронте и в тылу, нравственности, патриотизме, лишениях и любви. К сожалению, уходят из жизни её участники. В ряде стран (даже постсоветского блока) в массовое сознание всё чаще внедряются искаженные факты о событиях тех трагических и победных лет, забвению предаются истинные герои Великой Победы.

В Республике Беларусь помнят и свято чтут память о событиях Второй мировой войны, которая, с одной стороны, унесла жизни каждого третьего белоруса, а, с другой, подарила нам независимость. В 2015 году в Республике Беларусь на протяжении года широко отмечалась 70-я годовщина Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В 2019 году исполняется 75 лет со дня освобождения Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков в Великой Отечественной войне. В Республике Беларусь государственные и общественные организации особое внимание в своей работе уделяют проведению различных мероприятий, направленных на сохранение исторической правды о годах войны и широко почитают ее непосредственных участников.

Во многих организациях нашей страны есть заслуженные люди, которые не только добросовестно работали, выполняя свой профессиональный долг в мирное время, но и защищали страну, когда это было необходимо. Не является исключением и учреждение образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет», в котором представителям самой мирной профессии тоже пришлось встретиться с военным лихолетьем. Доброй традицией в учреждении образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет» стало шефство над участниками Великой Отечественной войны, тружениками тыла, малолетними узниками и членами семей военнослужащих, погибших в годы войны. Еще 10 лет назад, в 2008 году, в нашем университете в совет ветеранов входил 21 ветеран Великой Отечественной войны, в конце 2018 года – 12 ветеранов Великой Отечественной войны, 1 блокадница города Ленинграда, 4 малолетних узника. Ежегодно на протяжении года представители администрации вуза, первичных профсоюзных комитетов студентов и сотрудников, совета ветеранов, волонтеров посещают на дому каждого ветерана университета – участника Великой Отечественной войны,

поздравляют их с Днём Победы, вручают цветы и памятные подарки, наборы с продуктами, оказывают им содействие в решении бытовых вопросов, материальную и моральную поддержку, приглашают их на встречи с молодёжью, различные праздничные мероприятия, организуемые в вузе.

Во время таких встреч мы попросили участников Великой Отечественной войны, связанных профессионально с ВГМУ, и ещё выступающих перед студенческой молодёжью, поделиться своими воспоминаниями о тех далёких фронтовых годах. Данные воспоминания и легли в основу этой книги. Надеемся, что эти воспоминания помогут молодёжи лучше узнать и понять правду о годах Великой Отечественной войны.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВЕТЕРАНОВ ВИТЕБСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

I. НЕПОКОЙЧИЦКИЙ ЕВГЕНИЙ ОСИПОВИЧ

Евгений Осипович Непокойчицкий – кандидат медицинских наук, доцент кафедры госпитальной хирургии (1971–1996 гг), декан 5–6 курсов лечебного факультета, проректор по лечебной работе ВГМИ, ветеран Великой Отечественной войны. Награждён орденами и медалями, в том числе «За боевые заслуги».

Из воспоминаний Евгения Осиповича: «Родился я 27 января 1926 года в местечке Дрибин Могилевской области, но официально в документах датой моего рождения является 27 января 1925 года.

Моя мать была учительницей, а отец – врачом. После окончания Минского медицинского института отец отправился работать в районный отдел здравоохранения в Городок. Однако он скоро понял, что административная работа ему не по душе, и он попросил, чтобы его направили в сельскую участковую больницу того же Городокского района. Но случилась беда: через 3 года отец заболел (как оказалось позже – острый аппендицит). Он никого к себе не подпускал, лечил сам себя и запустил болезнь. Из Витебска вызвали профессора Петрова, но было, к сожалению, уже поздно, – у отца острый аппендицит перешел в перитонит. Однако мать настояла на операции. Операция была проведена, но, когда вскрыли брюшную полость – всё её содержимое было уже в гное, и спасти в итоге отца не удалось. После смерти отца мы вернулись на родину (в местечко Дрибин Могилёвской области). Мать работала в школе, а я учился в школе.

1 мая 1941 года меня приняли в комсомол, а чуть более чем через полтора месяца началась Великая Отечественная война. Страна предчувствовала наступающую беду. Немцы сосредотачивали войска у западных границ. Случалось, что немецкие самолеты долетали даже до Минска. Летали над ним, как коршуны над добычей, но чтобы не дать

немцам предлога для начала войны приказа сбивать немецкие самолёты не поступало.

21 июня 1941 года был воскресный день. Я со своими одноклассниками совершал пеший поход в соседний район Горки, где располагалась Горецкая сельскохозяйственная академия. Утром мы ещё только-только проснулись, однако всё вокруг грохотало. Наверное, началась война – пронеслось у нас в мыслях.

В 12 часов дня наконец-то пришли первые вести. Народный комиссар Вячеслав Михайлович Молотов объявил: «Сегодня без объявления войны немецко-фашистские захватчики напали на нашу страну. На границе проходят жестокие бои, объявлена всеобщая мобилизация».

В толпе послышался женский плач, поскольку все мужчины должны были уйти на фронт, и вся работа, даже самая тяжелая, перекладывалась на хрупкие женские плечи.

Евгению на тот момент было только 15 лет. Он только вступил в комсомол. Его с товарищами направили патрулировать город. Нужно было следить, чтобы немецкие диверсанты не проникли в Дрибин под покровом ночи.

«Мы ответственно несли свою службу с малокалиберными винтовками за плечами. За недолгий промежуток времени нам удалось поймать несколько немецких диверсантов, но день ото дня всё более печальные вести приходили с линии фронта: на четвёртый день был оставлен город Гродно, на седьмой – уже Минск. Немецко-фашистские войска подходили всё ближе, и уже по вечерам на западе было отлично видно, как полыхает алым пламенем небо. Война стремительно приближалась к тихому и уютному местечку Дрибин.

14 июля 1941 года немцы подошли к Дрибину и сходу его взяли. Я отлично помню это мерзкое чувство, когда грязно-серые бронемобили ползли по моей родной земле. Немцы подожгли Дрибин. В тот день была жаркая погода (до 30 градусов). Весь районный центр был в основном деревянным и за 3-4 часа Дрибин сгорел.

Так мы оказались в оккупации. Это было страшное и жуткое время. Немцы выискивали коммунистов и солдат, а потом их расстреливали. В августе началось гонение на евреев. В Дрибине их было около 400 человек. Все они были согнаны в гетто за колючую проволоку, а потом поступил приказ их расстреливать. В 3-4 километрах от Дрибина выкопали огромные ямы и всех их расстреляли. Только 5 или 6 человек, моих примерно ровесников, сумели выжить: когда их вели по оврагу, заросшему хмызняком, ребята бросились в кусты наутёк. По ним стреляли, но ни в кого не попали: они уцелели, перешли линию фронта и дальше воевали в составе Красной армии.

Это было тяжелейшее время. Ничего не осталось, даже картошка, которая была в огородах – и та испеклась.

Мы рыли большие ямы, которые использовали для того, чтобы сделать землянки. Оставшийся где-то забор использовали для этих же целей. Надо же было как-то дальше жить.

Очень радостным и обнадеживающим событием стала первая весточка о разгроме немцев под Москвой. Откуда мы это узнавали? С самолетов сбрасывали листовки, которые мы бережно передавали друг другу.

Тяжелой была зима с 41-го на 42-ой год. Земля, принадлежавшая колхозам, была разделена тем, кто работал в колхозе. Получалось где-то по 20,30,40 соток. Транспорта же не было никакого. Лошадку для работы мы должны были добывать сами. Большинство колхозных лошадей при отступлении раздали, а оставшиеся были такие лошади, которые никому уже были не нужны. Но всё-таки весной 1942 года сельским хозяйством начали заниматься все, кто остался в плену: подростки, женщины и древние старики. Я научился и сеять, и пахать, и косить. А дедушка (ему тогда было за 70 лет) у меня был хороший гончар: он делал горшки из глины. Это уже было хоть какое-то скромное, очень скромное средство для существования. Зимой мы бы, наверное, не перезимовали, если бы у нас не было родственников в соседних деревнях. Родные, двоюродные, кто мешочек бульбы, кто что мог, то и приносил. А мы жили в землянке, в которой на полу солома. Все в чём ходили, в том и спали. Было настоящее испытание на выживание.

Так, в 1942 году мы ловили любой слух, любую весточку про наших из Москвы, Подмосковья. Это было застойное время. Немцы торжествовали, конечно, а мы не теряли надежду, что наши вернутся

снова. Вот осенью в ноябре-декабре 1942 года наши войска окружили немцев под Сталинградом и взяли в плен 100тысяч солдат и офицеров. Это было для нас настоящим торжеством. И, уже считайте с этого времени, наша армия перестала быть отступающей и обороняющейся – она переходит в наступательные действия. Особенно, как сейчас, помнятся сообщения от советского информбюро о сражении под Курском и Белгородом, когда сошлись две танковые армии: советская и немецкая. И надо же быть тому, что была разгромлена танковая армия немцев. Командующий армией застрелился, а Гитлер сказал: «Я же не знал, что у Советского союза такие мощные танки. Я, может быть, ещё бы и не начал войну».

У нас были мощные танки: Т-34 – лучший танк второй мировой войны, КВ – 60 тонная машина. Потом появились самоходные орудия «Иосиф Сталин» – с мощными 150мм пушками, которые насквозь пробивали или сносили даже башни у немецких танков.

Вот тут уже, с начала 1943-го года, мы ждали, что вот-вот наступит пора освобождения. И уже становилось слышно, как эхо войны изначально еле-еле, а затем всё громче и громче издалека стало двигаться в нашу сторону. Где-то в конце августа, в начале сентября 1943 года, нас освободили.

Мне было 17 лет: а мы уже столько повидали и столько испытали. Во мне кипела жажда мести за смерти, за уничтожение городов и сёл, за разрушенное моё счастливое детство.

Решили с друзьями, что пойдём втроём на фронт. И умышленно перенесли год рождения с 1926 на 1925 год. А так как документов никаких ни у кого не было, поскольку всё-всё сгорело, мы пришли в военкомат и просто добавили себе по году. Нам поверили, даже не подвергнув сомнениям.

В том же 43-ем году нас сначала привлекли во всеобуч где-то на 8-10 дней, потом меня сделали командиром всеобуча, потому что с образованием 8 классов было очень немного молодежи. И в конце сентября нас призвали в армию. Нам повезло – весь наш набор попал в артиллерию. Нас отправили в Дороговуш (Смоленская область), где мы жили в бывших немецких землянках и обучались. Нам очень нравилось учиться, хотя очень тяжелыми были условия: третья норма питания – на завтрак 2 ложки салата, 200 грамм хлеба, тестяного, как кусочек мыла, а занимались мы очень много.

Через два месяца мы закончили школу, и нас отправили в город Брянск, в брянские учебные лагеря. Там уже отстроили хорошие здания, в которых мы продолжили занятия. Получил отличную оценку по боевой и политической подготовке и был оставлен на курсах для подготовки курсантов. Настоял, чтобы меня отправили на фронт. Здесь я обучался наводчиком реактивного миномета БМ-13, в народе его

ласково называли «Катюша». В военном лагере «Белые берега» обучающихся разделили на группы. Получилось так, что наших белорусов (нас там было человек 400) разделили на 3 бригады и отправили на формирование. Попали мы не на тот вид оружия, который проходили – 122 мм пушки-гаубицы, а в минометную бригаду 160 мм. Хотя всё равно были очень рады и довольны.

Нашу группу в состав 30-й артиллерийской дивизии прорыва РГК резерва главного командования направили на 2-й Украинский фронт. Первые наши бои были под Киевом. Мы приехали уже под конец операции. Теперь уже ни одна атака, ни одно наступление не предпринимались без предварительной артиллерийской подготовки, когда уничтожался передний край обороны противника и дальнейшего сопровождения наступающей пехоты. В одном из боёв выбыл из строя командир орудия, и я заменил его. Так я стал командиром артиллерийской реактивной установки БМ-13 («Катюша»).

Первые наши бои были под Киевом. Мы приехали уже под конец операции.

Особенно запомнилась ликвидация Ясса–Кишенёвской группировки войск вермахта (около 22 дивизий противника) в августе 1944 года в Молдавии.

Бесперывные дожди расквасили и без того никудышные дороги Молдавии. Особенно тяжело приходилось артиллеристам: машины и орудия тащили буквально на себе.

II и III фронт замкнули в треугольник огромнейшие войска – больше 300 тысяч человек. Противник был окружен двойным кольцом, но не сдавался. Тогда был назначен день уничтожения. Немцы, предчувствуя это, решили всё-таки прорваться. И в ночь 24 августа они предприняли психологическую атаку на западном направлении, где держал оборону наш полк. Завязалась ожесточенная артиллерийская дуэль, под покровом которой в бой вступили немецкие танки, бронетранспортёры, в воздухе висели десятки самолётов противника. От бомбёжки мы укрылись в заранее подготовленных небольших рвах. Справа от машины взорвалась бомба большого калибра, и машину опрокинуло взрывной волной на наш ров, где находился я и трое солдат. Контуженные, раненные, присыпанные землёй и придавленные собственным орудием, мы слышали рёв танков и взрывы снарядов. Потом всё утихло.

Утром, услышав русскую речь, мы стали кричать, чтобы нас освободили от накрывшего нас орудия. От лечения в госпитале мы отказались, ограничились медсанбатом. Действительность поразила

нас. Сгоревшие танки и бронетранспортёры стояли раскуроченные, кругом трупы наших солдат.

Это была важнейшая победа. Если под Сталинградом взяли в плен 100 тысяч, то здесь – 220 тысяч пленных Результаты разгрома Яссо–Кишинёвской группировки немцев и их союзников потрясающие. Уничтожены 22 немецко-фашистские дивизии, взято в плен 208 тысяч солдат и офицеров (в том числе 25 генералов), 2 тысячи орудий, 340 танков, 15 тысяч автомашин и много другой боевой техники.

Эта операция способствовала тому, что мы полностью освободили Молдавию, вывели Румынию из состояния войны, которая воевала против нас в составе немецко-фашистской армии, Румыния объявила войну

Германии и выставила 10 дивизий для борьбы против немцев.

Мы уже победным маршем приехали в Румынию. Война переместилась к границам Венгрии, больше чем за 500 верст на запад. Конечно, радости нашей и ликования не было конца и края.

Помню один интересный момент: на границе Румынии и Венгрии находилась Трансильвания. Это было давнее яблоко раздора, которое неоднократно переходило то к одной стороне, то к другой.

В Венгрии были профашистски настроенные салашисты (по имени Салаши – руководителя венгерской партии и государства). Они построили почти сплошную линию железобетонных ДОТов. Как только наша пехота поднималась в атаку, ДОТы их моментально рассеивали, и нельзя было даже поднять головы.

Стоим два-три дня, вдруг приходит к нам в часть один старший сержант и говорит командиру дивизиона: «Слушайте, где бы нам ракету найти от «Катюши», а я при её помощи смогу подорвать этот блиндаж».

А блиндажи находились на расстоянии 25 метров друг от друга. Если один подорвать – это уже будет 50 метров, значит, можно вбить клин и пройти. Дали этому старшему сержанту ракету. Он говорит: «Я сам учитель математики, если под ракетой вырыть ровик под углом, то ракета поползет метров 100 и попадет сразу в амбразуру».

А амбразура была сантиметров 80 шириной и 35-40 высотой.

На рассвете, когда только начало светать, – слышим, зашипела наша ракета и поползла. Она не поднялась: не предали ей определенный угол. Ползет-ползет и в амбразуру раз. ДОТ этот сразу и заглох. Все, кто там был, – сразу же погибли.

Поднялась пехота, пару батальонов прошли и зашли уже в тыл этой огромной железобетонной линии. Солдаты влезли наверх: умудрялись сделать следующее: один солдат стоит наверху и держит другого за ноги, а тот гранаты в ДОТ бросает одну – другую. В общем, к исходу дня прорыв был обеспечен, а несколько оставшихся ДОТов потом уже выкуривали.

20 февраля 1945 года мы сходу ворвались в Будапешт. Это огромный город, который разделяется Дунаем на две части: Будду и Пеште. Будду мы взяли, а Пеште, где находились высшие органы власти, соборы, музеи осталась ещё у немцев.

23 февраля две или три артиллерийские дивизии выстроились у Дуная и началась двухчасовая артподготовка. Небо не было видно. Если бы я кричал вам в ухо, вы бы всё равно не слышали. Гремело всё, казалось, земля качается. И когда артподготовка закончилась, мы слышим, что Пешт молчит. На понтонных мостах, на баржах, на лодках, на лестницах, на всём, что только могло плыть по воде – солдаты устремились туда. И почти без потерь форсировали Дунай.

Нам дали передышку. Пехота пошла вперёд, а мы только ждали, где серьёзное препятствие – туда привлекают нас.

Перешли в Австрию – хорошая красивая страна. Окружили её, Вену (столица Австрии). Они благоразумно сдались, хотя и пишут, что мы её взяли штурмом. Город уцелел полностью. Так что мы сразу получили медали за взятие Будапешта и за взятие Вены.

Тяжелая обстановка сложилась на севере Венгрии, у озера Балатон, где немцы и венгры предпринимали по 2-3 контрудара. На помощь была брошена наша дивизия. Все виды орудий и миномётов обрабатывали немецкие позиции в течение трёх дней, после чего этот участок фронта не представлял никакой угрозы и исчез из сводок Совинформбюро.

После взятия Вены вошли в Чехословакию. С радостью и восторгом встретили словаки и чехи наши войска. Близость наших языков позволяла общаться с мирным населением. Впереди нас ожидала Прага, но надо было форсировать реку Грон, на которой противник создал мощную оборону. И снова ураганная артиллерийская обработка позиций противника и успешное форсирование речной преграды. Ожесточённое сопротивление встретили наши войска у города Брно. Здесь находились военные заводы немцев. И опять первыми дорогу прокладывали артиллеристы 30-й артиллерийской Венской дивизии прорыва. Путь на Прагу был открыт. За взятие Вены нам было присвоено её имя – «30-ая артиллерийская Венская дивизия прорыва». Нашу часть отвели на отдых в красивейшую акациевую рощу... [1].

Весеннее солнце, запах цветущей акации, успешные боевые действия и невероятная физическая усталость свалила с ног. Спали, где могли. На рассвете послышалась оружейная и автоматная стрельба. Невольно мелькнула мысль, что мы в окружении... стали занимать круговую оборону, но когда увидели наших пехотинцев, стреляющих вверх и кричащих: «Победа! Победа!», - всё стало ясно, и мы присоединились к ним!

На следующий день огромной боевой колонной 30-ая артиллерийская Венская дивизия прорыва выстроилась на автостраде, чтобы продолжить свой путь на Запад. С короткими отражениями атак, ещё не капитулировавшими немцами доехали до реки Эльба, где встретились с американцами. Это было 12 мая 1945 года. Так закончилась вторая мировая война.

Месяца два или три мы были в Чехословакии, но не в качестве оккупационных войск. Нужно было утрясать там вопросы со снаряжением, боеприпасами, политические вопросы.

Мы очень сильно тосковали по родине. Мы знали, что она разрушена, бедна, но именно она близка нашему сердцу. За неё мы шли на смертный бой.

Стали выводить нас назад на Родину. По югу мы поехали во Львовскую область. Ночью подъезжаем ко Львову, в котором мы должны были ночевать, а там идут бои: и ракеты, и пушки, и стрелковое оружие. В чём дело? Почему? А местные жители говорят, что у них так каждый день: с бандеровцами воюем. Мы не участвовали в этих действия – там работала пехота. На утро нас провели через Львов, здорово побитый, и мы отправились в городишко Яворов, 70 километров к Румынии, на самой границе с ней. Вот там сказали будет ваш гарнизон, там будете стоять. И стояли, и воевали. С бандеровцами воевали почти как на фронте. И что особенно неприятно, что у нашей артиллерийской части погибло в этих боях почти столько же, сколько на фронте. Если один человек пошёл по городу или оказался за городом – всё, он пропал. Приказ жестокий: ходить только вдвоём и минимум с автоматами.

А в ночь на первое мая 1946 года, когда только построили новый памятник Ленину, – его ночью взорвали. Закончили строительство моста через речку – взорвали. И вот в 45-ом немножко, а почти весь 46-ой год шла схватка.

Вспоминается один момент: ночью нас поднимают по тревоге и говорят: между Львовом и Яровом, в лесу, который на десятки километров уходит прямо в Карпаты, нам было необходимо создать непроходимое препятствие для отступающих в Румынию бандеровцев. Отрыли траншеи в полный профиль (наша артиллерия не нужна), сидим в траншеи день, второй и вдруг к вечеру появляются самолёты-кукурузники, которые сбрасывают бомбы. Шум, стрельба всё приближается и приближается. На противоположной от нашей траншеи поляне появляется масса людей. Они попробовали бежать с оружием к нам, но наши пулеметы положили сразу их, остальные успокоились, отошли. И тут вдруг собралась тысяча и с кличем «За батьку Бандеру и его жиньку Параску, вперед!». И всё стрелковое наше оружие напрямую, в лоб как говорят, расстреляло всю эту массу. Только незначительная часть отступилась и сдалась. В результате около тысячи человек были убиты. Пришли специальные похоронные части собирать солдат. Нам говорят делать нечего – все уезжайте. Похоронили их, а мы приехали в свой городок заниматься политической подготовкой. И тут вдруг приказ через пару недель снова туда – воевать с недобитыми частями. Двое суток прождали мы, а их не оказалось: ушли где-то другой тропой.

В деревне тогда власти не было: властвовали бандеровцы. Если там какую-то сельскую раду строят, они перебьют их. Тогда решили более жёстко поступать. Если попадается бандеровец или его семья, всех их вместе ссылали в Сибирь. Ну и к концу 1946 года мы уже перебазировались в другой городишко, километров тридцать восточнее, там уже бандеровцев не было.

А потом хорошая весточка пришла: часть нашу расформировали, и направили в Черновицы (Черновицкая область). Город мирный. Вот там я заканчивал службу. В последний год службы мне разрешили посещать школу рабочей молодежи. И я, и мой друг немного покривили душой: сказали, что не 8 классов закончили, а 9. Документов не было, что в книжке написано в красноармейской, то и есть документ. Ну и закончили мы с ним 10 классов Черновицкой школы: он с медалью, и я с медалью.

После окончания школы сразу поступил в Витебский государственный медицинский институт. Учёбу совмещал с работой в Селютском доме инвалидов. После окончания института был направлен в сельскую участковую больницу в Лиозненский район Витебской области (я уже женат был. Жена училась на 5 курсе). Бабиновичская участковая больница была очень интересная и характерная тем, что 6 месяцев в году связи с городом нет: замедает, или по весне грязь такая, что ни проехать, ни пройти. С 1956 года – заведующий этой больницей. Работал в ней пока жена заканчивала учёбу, а потом уехали в Россоны Витебской области (где стал главврачом Россонской райбольницы), но это был уже районный центр. А больница – бывший панский замок разрушенный. Партизаны во время оккупации сбили башню, поскольку думали, что там была немецкая разведка. Восстановили кое-как этот замок. Но была проблема с отоплением. Зимой, когда отапливали помещение при помощи печного топления, дым шёл ни вверх, а опускался на пол. Чтобы больного увидеть, приходилось чуть ли не на четвереньках ползать. Отремонтируйте, говорят, сделайте. А печь сделана по немецкому проекту внутри стены, и где этот канал идёт, эта труба, непонятно. Потом пришлось систему перестраивать. И начали мы писать, жаловаться и в итоге нам разрешили построить типовую больницу в Россонах. Когда её построили, радость была невероятная. А потом я уже набрался силы, мужества, умения, и мы

ещё построили четыре сельских участковых больницы.

Сдал я больницу в 1963 году. Перевели меня на должность главного врача Витебской областной больницы. С 1956 года я стал заниматься

хирургической деятельностью. В областной больнице мы всё перестроили, переделали по возможности.

В 1968 году меня увлекла научная и педагогическая деятельность.

Защитил диссертацию. Ректор медицинского института Евгений Никандрович Медведский уговорил перейти меня с больницы в Витебский государственный медицинский институт и сразу поставил доцентом кафедры госпитальной хирургии, деканом 5-6 курса и проректором по лечебной работе на общественных началах.

Работал я в медицинском вузе до 1996 года. В 70 лет ушёл на пенсию. Однако и сегодня с радостью посещаю любимый вуз, хожу на праздничные мероприятия, рассказываю о военных буднях во время встреч со студенческой молодёжью.

II. ЯБЛОНСКИЙ МИХАИЛ ФЁДОРОВИЧ

Михаил Фёдорович Яблонский – доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой судебной медицины Витебского государственного медицинского института с 1965 по 1988 и с 2003 по август 2014 гг., ветеран Великой Отечественной войны.

Из воспоминаний Михаила Фёдоровича: «Прошло уже более 70 лет со дня Победы советского народа в Великой Отечественной войны, а забыть пережитое невозможно. Служил я разведчиком-артиллеристом во взводе управления дивизиона артиллерийского гаубичного полка.

Помнится, как в декабре 1944 года наша войсковая часть прибыла на фронт на Магнушевский плацдарм на р. Висла. Уже в день прибытия на фронт от авиационной бомбардировки наша часть потеряла одно орудие. Наша часть (полк артиллерийского корпуса резерва главного командования) поддерживала артиллерийским огнем войска 8-й армии, которой командовал генерал В.И. Чуйков.

Прибыв на фронт, наш полк сразу включился в подготовку к грандиозному наступлению в направлении Берлина. Шли локальные бои, так называемая «разведка боем». Немцы пытались сузить наш плацдарм, но все усилия были парированы с большими для противника потерями.

Масштабное наступление на Висле началось утром 14 января 1945 года. Немцы упорно сопротивлялись, несмотря на массированные артиллерийские и авиационные атаки с нашей стороны. Казалось, что ничего живого не должно остаться после такого обстрела позиций врага. Но продвижение давалось трудно. На пути вперемишку лежало много трупов немцев и

красноармейцев. И всё же мы двигались вперед. 19 января взяли город. Лодзь, двинулись на Познань.

После взятия Познани 23 февраля мы двинулись на р. Одер на Кюстринский плацдарм. В нашей полосе наступления сопротивление немцев было очень упорным, горели и советские наступающие танки. Тогда вся тяжесть наступления свалилась на пехоту, которую мы поддерживали артиллерийским огнем. Продвинулись на 1,5-2 км. На нашем пути оказалась усадьба с добротным кирпичным домом, в котором засели немцы. От огня наших гаубиц от усадьбы остались одни развалины. Наступал вечер, опускались сумерки. До развалин усадьбы оставалось около 50 метров. Туда бежали наступающие наши бойцы, в том числе и мы, артиллеристы. Я неожиданно получил сильный удар по ногам, упал, не сразу понял, что произошло. Меня ранило осколком мины. Если можно так выразиться, то мне крепко повезло: между мной и миной оказалась повозка, груженная бревнами. Осколки разорвавшейся мины только частично ударили по моим ногам. Это были те осколки, которые пролетали под телегой с брёвнами, остальные оказались в брёвнах. При прочих вариантах шансов остаться живым у меня не было бы.

Холод, видимо, помог остановить кровотечение из ран. В госпитале

осколки извлекли, но один и сегодня не дает забыть тех дней на Одере. Недели через две раны подсохли, перестали гноиться. Я вновь оказался среди своих товарищей по оружию, уже карабкавшихся на Зееловские высоты. Затем был Берлин. Шли ожесточённые бои за каждый дом, за каждую улицу.

Страшно вспоминать, сколько погибло в этой войне молодых людей, которые могли бы жить, строить, творить.

А сколько было радости 9 мая 1945 года, когда услышали, что враг разбит, война окончена. Первое, что вырвалось в это время из наших уст: «Ура, мы живы!». Каким огромным было солдатское ликование!

Наша Красная Армия была интернациональной по составу. Её солдатами и офицерами были граждане десятков национальностей. В нашем полку служили белорусы, украинцы, казахи, азербайджанцы, татары и другие национальности. И когда мы поднимались в атаку, у нас даже мысли не рождалось, кто рядом сражается: грузин, украинец или татарин. Мы вместе мечтали о победе и вместе шли к ней. В нашем понятии была одна лишь нация – «хороший человек».

Молодому поколению желаю жить в дружбе с хорошими людьми и помнить о своём долге перед отцами, матерями, дедами, завоевавшими дорогой ценой Победу в Великой Отечественной войне. Учитесь, трудитесь, живите так, чтобы подобный кошмар не повторился [1]».

III. БОГДАНОВИЧ ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ

Леонид Иванович Богданович – ветеран Великой Отечественной войны, доктор медицинских наук, профессор, лауреат Государственной премии Беларуси, заслуженный деятель науки БССР. С 1958 по 1996 годы заведующий кафедрой кожных и венерических болезней Витебского государственного медицинского института, автор более 100 научных работ. Награжден 2 орденами Отечественной войны (I, II ступени), 20 медалями, 2 Почётными грамотами Верховного Совета БССР, значком «Отличник здравоохранения», медалью «За заслуги в развитии ВГМУ» [3].

Из воспоминаний Леонида Ивановича: «18 мне исполнилось в 41-ом, и я был призван в армию. Воевал на Волховском, Ленинградском фронтах... На Ленинградском фронте был тяжело ранен в ногу, в шею и оба глаза (4 осколка – в левый глаз и один – в правый).

В медсанбате полкового госпиталя мне сообщили, что придётся отнять ногу, но майор-хирург, делавший операцию, постарался сделать всё, чтобы её сохранить (сделал лампасный разрез). А вот врач-офтальмолог была менее опытна и упряма в своих решениях. Лечение не приносило положительных результатов, и я мог полностью потерять зрение ещё в юности, если бы не перевели меня в Свердловский центр. Там опытный доцент-офтальмолог в течение 10 минут поставил правильный диагноз и назначил повторное лечение. Произошло чудо: зрение правого глаза стало восстанавливаться. Я вновь увидел голубое небо, зелёную траву..., снова захотелось жить. Зрение с 0,01 вернулось на 80%. Тогда я решил, что стану врачом, но таким врачом, как хирург-майор и офтальмолог-доцент.

В 1949 году окончил Витебский государственный медицинский институт. Учился на «отлично», но не для оценки, старался углубленно во всём разбираться, доходить до самой сути. Далее учёба в клинической ординатуре, с 1952 по 1954 годы – работал ассистентом кафедры кожных и венерических болезней Витебского государственного медицинского института. В 1954 году защитил кандидатскую диссертацию, работал в Москве. В 1959 г.

защитил докторскую диссертацию, в 1960 году утвержден в звании профессора. С 1958 по 1996 годы работал заведующим кафедры кожных и венерических болезней ВГМИ.

Убеждён, что врач должен быть примером во всем. Он не должен курить, употреблять алкоголь и наркотики. И этот образ жизни должен передаваться из поколения в поколение в семье врача.

Нашему молодому поколению желаю усваивать знания осмысленно и углубленно, лишь в этом случае можно стать настоящим врачом. Знаю это из собственного опыта [1]».

IV. НИКОЛЬСКИЙ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Михаил Александрович Никольский – доктор медицинских наук, профессор, декан факультета подготовки иностранных граждан, заведующий кафедрой травматологии, ортопедии и военно-полевой хирургии в Витебском государственном медицинском институте. Награждён значками «Отличник здравоохранения СССР», «За отличные успехи в области высшего образования», грамотами Верховного Совета БССР и Президиума, «Орденом Почёта» (2002 г.).

Отец Михаила, Александр Дмитриевич Никольский, сражался на фронте. За это его семью – жену, Марию Михайловну и семерых детей, младшему из которых исполнился годик, –

оккупанты отправили в лагерь в Рославльском районе Смоленщины [2]. Заключённые снабжали кровью раненых фашистов, лечившихся в госпитале неподалеку. У детей с универсальной первой группой забирали её всю. Кого вызывали на кроводачу – тот в лагерь уже не возвращался. У Миши была третья группа крови, как донор крови, к счастью, он не пошел.

Спали на земле, кормились картофельными очистками и подгнившей свеклой. Четырёхлетний брат Коля начал пухнуть от голода. Чтобы спасти его, старшие сёстры Оля и Катя отдавали матери свои порции. Когда на глазах стали чахнуть двойняшки, Миша делился пайком с ними. У самого в животе постоянно урчало, мечтал о кусочке хлеба как о невероятном деликатесе. Через 2,5 месяца наступили холода – узников расселили в деревне, обнесённой колючей проволокой. Полицейские объявили: если на вечерней проверке кого-то не окажется в строю, расстрелять всех.

Мама умудрялась где-то находить крапиву и варила похлёбку, поддерживая детей, ставших не по годам взрослыми.

Старших сестер попытались угнать в Германию, но по дороге их отбили красноармейцы. Немцы погрузили в вагон и младших. К счастью, Никольские до Германии не доехали. Уже во всю грохотала наша артиллерия, огонь преградил поезду путь. В панике фашисты, пытаясь выйти из окружения, бросили эшелон с пленными.

- Вот так и спаслись,- вспоминает Михаил Александрович.

- Чтобы зацепиться за жизнь, вначале надо было из скелета превратиться в нормального человека (я перенёс тяжёлое воспаление лёгких).

В девять лет пошёл в школу. В лаптях. Старшие сёстры и брат работали в колхозе. Из деревни вырваться можно было одним путём – окончить школу с похвальной грамотой. Тогда давали справку на оформление паспорта (без этого документы не брали ни в школу, ни на работу).

Из армии возвратился отец. Он нацелил меня: «Учись, сынок, на доктора. Если бы у нас в семье свой появился, горя бы не знали...».

После 7 классов поступил в Калужский медтехникум; вышел оттуда отличником, что давало право стать студентом Смоленского мединститута без экзаменов. По распределению уехал в Алтайский край. Очень хотел стать хирургом.

...За операционным столом Никольского увидел врач, учёный, в то время один из лучших спинальных хирургов в СССР – Яков Цивьян. Он и предложил Михаилу поступить в ординатуру Новосибирского НИИ восстановительной хирургии, травматологии и ортопедии, где работал сам. Вместе с учителем Никольский на протяжении 10 лет делал самые сложные операции. Под его руководством занимался наукой. Возможно, трудился бы в НИИ, как и Цивьян, до конца дней, но тамошний климат не подходил маленькой дочери Михаила Александровича – постоянно болела. И только когда её возили к бабушке в город Витебск, малышка оживала, забыв о кашле, насморке и температуре [2].

Пришлось оставить всё и переехать в город, который очень быстро превратился для Никольских в родной. Дочь Ольга здесь выучилась, она дерматовенеролог высшей категории. Жена стала кандидатом медицинских наук.

Михаил Александрович устроился в ВГМИ, где работал до конца 2015 года. Михаил Александрович Никольский был первым деканом по работе с иностранными студентами.

С 1991 г. профессор Михаил Александрович Никольский стал заведующим кафедрой травматологии, ортопедии и военно-полевой хирургии в Витебском государственном медицинском институте.

В 1999-2003 гг. был депутатом Витебского областного Совета депутатов. Более 30 лет посвятил научно-просветительской деятельности в обществе «Знание». На протяжении 15 лет возглавлял народный университет «Здоровье». За большой вклад в развитие высшего образования и практическое здравоохранение в области травматологии и ортопедии в 2000 г. получал персональную надбавку Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На современном этапе в ряде стран предпринята попытка переписать итоги Великой Отечественной войны. И только живые свидетели истории знают, какой кровью досталась Победа.

Война стала жестоким испытанием для героев этого сборника. Их судьбы опалены роковыми сороковыми. И пусть весна сорок пятого года, ознаменованная Великой Победой, наступила больше семи десятилетий назад, война на протяжении всех этих лет эхом отзывается в сердцах её свидетелей и многих других людей. Участники второй мировой войны, убеленные сединами, с лихвой хватившие горя, и сегодня помнят каждый ее день, каждую минуту, прожитые на грани смерти. Именно потому они и посвятили всю свою сознательную жизнь созиданию – спасению человеческих жизней.

Сегодня же ветераны формируют мировоззрение нового поколения белорусов. Их рассказы учат молодежь любви к Родине, к ближнему, к труду, воспитывают терпение, взаимопонимание и взаимопомощь. В свете жестоких событий, которые происходят сегодня в мире, ветераны дают наказ будущим поколениям: «Не повторяйте ошибок! Живите во имя мира!». Ветераны Великой Отечественной войны плачут, когда в странах Европейского союза, за которые они проливали кровь, уничтожают памятники советскому солдату, из настоящих героев делают врагов. И искренне ветераны радуются, что белорусы бережно хранят историческую правду военных годов и о своих предках и вместе с ветеранами 9 Мая и 3 июля со слезами на глазах вглядываются в мирное и чистое небо.

К сожалению, учителя жизни, чьи мундиры увешаны орденами и медалями, уходят. Свидетелей суровых событий военных лет становится всё меньше из года в год, изо дня в день. И мы, благодарные потомки, не имеем морального права стереть страницы их жизни из истории суровых сражений и Великой Победы. Ведь нет будущего у народа, который не знает своё прошлое. И, к счастью, есть будущее у белорусов, покорно склоняющих головы перед каждым ветераном, который в непосильной борьбе добыл для своих предков Победу.

Завершить наши материалы мы хотели бы стихотворением В. Снегирева «Ветераны», который лаконично отразил в поэтической форме роль участников в Великой Отечественной войне:

Немного осталось из тех, кто в боях
прошли до Берлина полсвета –
в мороз и пургу, через горе и страх.
Пусть вспомнят живые про это.

Так было: внезапно настала война.
Пришли небывалые беды.
И всё, что могла, отдавала страна
для фронта, для славной победы.

И каждую пядь нашей русской земли
смочили мы кровью и потом.
Но правду враги здесь сломить не смогли,
не справились с гордым народом.

Всё дальше и дальше, на Запад – вперёд
идут и идут батальоны.
Нас Родина наша к победе зовет:
«огонь, – не жалея патроны!»

Но вот и Рейхстаг, день фашистский померк
и фрицы кричат: «Рус, сдаёмся!»
Мы эту войну будем помнить вовек.
Клянёмся... Клянёмся... Клянёмся!

Нельзя про такое забыть никогда.
Что может быть лучше на свете,
чем мирное небо, в огнях города
и наши прекрасные дети?

Солдат, вспоминая свой путь до конца,
заплачет скупыми слезами.
А павшие живы все в наших сердцах, –
безмолвно стоят рядом с нами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. «А вокруг бушевала весна» // Медвузовец. – 2015 г. –№ 5 (182). – с. 1, 3.
2. Богданова, А. Как Миша – Blutkonserve* зацепился за жизнь // Медицинский вестник.– №24(1223). – 11 июня 2015 г. – с. 8.
3. Юбилей. Леонид Иванович Богданович (к 90-летию со дня рождения) // Вестник ВГМУ. – 2013. Т. 12. –№ 1. – с. 130–132 с.

